

С. 124–130.

МАРК БЕРКОЛАЙКО – 75

Берколайко Марк Зиновьевич, родился 8 мая 1945 года в Баку. В 1967 году закончил механико-математический факультет Азербайджанского госуниверситета, а с 1968 года живет и работает в Воронеже.

Доктор физико-математических наук, профессор, автор более 140 научных работ, опубликованных в ведущих математических и экономических журналах.

В 1996-2012 гг. – генеральный директор и топ-менеджер консалтинговой и инвестиционных компаний.

Член Союза российских писателей.

Писал тексты для КВН, короткие рассказы («Литературная газета», «Юность», «Крокодил», ряд советских и зарубежных газет и журналов), эстрадные миниатюры, телевизионные сценарии, сценарий художественного фильма, пьесы, ряд из которых ставился на сценах российских театров. А в июле 1991 года в эфире Всесоюзного радио прозвучал получивший вторую премию на Всесоюзном конкурсе радиоспектакль по пьесе «Призы» (написанной совместно с В.Лещинским), уже в августе этого же года едва не оказавшийся провидческим.

С 2005 работает в жанре прозы, московскими издательствами опубликованы две его повести и шесть романов, отмеченных положительными рецензиями критиков (журналы «Знамя», «Звезда», «Волга XXI век» и т.д.)

Активно сотрудничает с журналом «Литературным Азербайджаном», неоднократно публиковался на его страницах.

394068, Воронеж, Московский пр., 112, кв.203 (+7) 919 184 0561 mberkolaiko@gmail.com

АЛЕКСАНДР ГРИЧ

«БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ» В ИСПОЛНЕНИИ МАРКА БЕРКОЛАЙКО

Сталин в мундире генералиссимуса стоял во весь рост и... хотелось бы написать – смотрел в горные дали, открывающиеся за аллеей ухоженного парка города Нальчика, однако правда жизни важнее: никуда он не смотрел, поскольку головы у него не было. Странно: еще вчера стоял с головой, а сегодня уже без оной... Было даже интересно – но только нам, девятилетним, а вот взрослые реагировали на утрату великим вождем такой важной части величия с опаской... «Репрессированные возвращаются! – сказал незнакомый мужчина громко. – Это что! Это – еще цветочки...»

Судя по этой реплике, шел 1954 год. Мы с моим школьным товарищем Марином Берколайко приехали на отдых с родителями в столицу Кабарды и замечательно проводили в ней время. Естественно, мы и понятия не имели, что такое «репрессированные», и что Нальчик вскоре снова станет столицей Кабардино-Балкарии... Не знали ничего о выселенном в одну страшную ночь с родной земли народе Балкарии, который вождь и учитель посчитал предательским. И об остальных выселенных народах страны (сколько их было – восемь, девять?) – тоже ничего не знали... как и того, что под сенью памятника вождю пройдет вся наша жизнь. Она оказалась, благодарение небу, некороткой – три четверти века уже за плечами, а мы еще что-то делаем, на что-то рассчитываем, на что-то надеемся, а вот о том, что имя и деяния бывшего (по мнению многих, вечного) вождя будет нас сопровождать и все советские годы, и после – в постсоветской России, и повсюду, куда занесет нас судьба – мы в тот день, глядя на обезглавленный памятник, конечно же, не догадывались.

– К дьяволу, в ад! – решительно сказал юный Берколайко и потянул меня за руку. – Пошли играть в пиратов... – и мы отправились на озеро.

Между прочим, эту реплику школьного друга я запомнил в точности, может быть, потому, что она и тогда, в детские годы, казалась мне избыточно театральной. К какому еще такому дьяволу? В какой еще ад? Совершенно нехарактерный для обычных советских детей лексикон... Но Марик уже тогда был хоть и вполне советским, но не совсем обычным: читая (как и все мы) Майн Рида, Жюль Верна, Вальтера Скотта и Роберта Стивенсона, он не просто погружался (как все мы) в литературу, а без колебаний переносил ее в окружающую жизнь. Которая, разумеется, была совершенно не похожа на содержание любимых книг, однако, как уверенно утверждал Марик (опять же вслед за каким-то литературным героем) – тем хуже для нее!

Впрочем, в той советской действительности, в наши молодые годы еще существовал культ романтики, молодости, побед. «А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер!» А рядом: «Здравствуй, страна героев! Страна мечтателей, страна ученых!»; рядом много еще подобных, радостных, зовущих к свершениям песен – и мы пели их охотно, а о происходившем в стране до нашего рождения и происходящем в период взросления узнавали много позже. Правду переживали болезненно, и тем, кто МЛАДШЕ нас на двадцать и более лет, непросто понять, как это трудно – отвыкать от песен, под которые когда-то маршировал радостно, которые когда-то горланил самозабвенно.

А Марик Берколайко не только говорил вместо обычного «Ах ты, черт!» – «К дьяволу, в ад!» Он еще вместо того, чтобы сказать просто, как все: «А иди ты на ...!», произносил нечто вроде: «Да будь ты проклят отныне и веки!» – и, естественно, не все это понимали, особенно те ребята, которые книжек про пиратов и благородных разбойников не читали. Соответственно, Марику доставалось на орехи. Не могу сказать, что он в нежном возрасте хорошо умел давать сдачи – этому он научился позже. Но наскоки и оскорбления всегда встречал стоически. И всегда находился рядом кто-то, кто вступал в потасовку на его стороне. Так что в конечном итоге Марик не проигрывал. Кроме того, было в нем что-то такое, что останавливало задир. Они-то поначалу считали, что он, как тогда говорили, «вытыкается», однако вскоре приходили к выводу, что нет, это не вытыкание, просто паренек какой-то странный. А Марику и в голову не приходило стесняться своих странностей. И когда он, только начав заниматься боксом, в школе на перемене вставал между партами в боксерскую стойку, это смотрелось забавно – одни острые углы... И когда он неумело, но с огромным азартом танцевал у костра танец индейцев, и когда пел «Онегин, я скрывать не стану...», подражая знаменитому тогда Максиму Михайлову (а голос ломался и то и дело скакал от баса к дисканту), и когда сочинял стихи и исполнял их по первому требованию – ему и в голову не приходило чего-то стесняться. Между прочим, стихи были, конечно, о морском волке, седом капитане, который покидает родной порт. До сей поры помню те дивные строки: «Поддай подозрную трубу, чтоб было мне виднее/ Когда слезой заволочет любимые глаза...»

Мы смеялись, но Марик не боялся реакции окружающих. Его не интересовало, что о нем скажут. Желание выразить себя именно так, как ему хочется, всегда брало верх. Кроме того, добавлю с некоторой боязнью быть непонятым, однако из песни слова не выкинешь: он всегда был уверен в собственной гениальности – вне зависимости от того, за что берется. В дальнейшей его жизни это сыграло, как и должно было сыграть – роль двойную: чаще всего добиваясь того, что без твердой уверенности в себе добиться невозможно, он иногда попадал в тяжелейшие передрыги. Но и после них, даже признавая себя проигравшим, не признавал побежденным и не сомневался в грядущем реванше.

О школьных наших годах в подробностях писать не буду – главным образом потому, что это уже сделал доктор физико-математических наук, профессор Марк

Берколайко, начавший примерно лет пятнадцать назад профессионально и плодотворно работать в литературе. Но кое о чем в наших школьных годах написать следует – и, надеюсь, я не повторю товарища и коллегу.

Дело в том, что мы учились не в простой школе, нам повезло... Теперь, говорят, эта школа привилегированная, президентская. А тогда... Нет, она не славилась усиленным преподаванием математики или физики, английского или французского, это был не лицей или колледж – ничем подобным в те давние годы и не пахло. Тем не менее, в большом городе Баку среди десятков школ были такие, номера которых говорили как бы сами за себя: «Первая» (или «багировская»), «Сто шестидесятая», «Двадцать шестая»... О них говорили уважительно, туда старались отдавать детей из так называемых хороших семей. А наша школа и среди них стояла особняком и называлась она «Шестая спортивная». Помимо того, что директор Борис Семенович Герчиков собрал там отличный коллектив педагогов, был в ней человек уникальный – Леонид Эдуардович Юрфельд, сын шведа, приехавшего в начале прошлого века работать на бакинские промыслы. Он преподавал физкультуру и делал это так, что питомцы нашей школы побеждали во многих городских спортивных состязаниях. В традиционных эстафетах с замечательными названиями «За нефть и хлопок» и «День Победы» Шестая Спортивная выставляла по два состава бегунов и иногда занимала два первых места, а уж первый состав побеждал почти всегда.

У школы была спортивная форма – красная майка, где дугой, как радуга, было написано «Шестая», и белые трусы. В школе была доска с именами и фото золотых и серебряных medalистов – каждый год там прибавлялись новые лица. У школы был гимн: «Под алым знаменем священным комсомола/ И со спортивным стягом в вышине/ Идет вперед шестая наша школа,/ Одна из многих тысяч школ в стране» – такой вот там был припев.

К спорту это все прямого отношения не имело, но было в этом нечто неизменно более важное – спортивный дух, соревновательная закваска. Именно они «сколотили» в нашем классе «могучую кучку» – компанию неординарных мальчишек (школа тогда, естественно, была мужская, смешанные школы появились позже – вот какие мы древние, юный читатель!): Эмин Алиев, Эльдар Криман, Леня Прилипко, Шурик Тверецкий, Сержик Агаев, Володя Дацко, Ниязи Мамедзаде, Марик Берколайко... В классе, где учился человек тридцать пять, нас никто специально не выделял, выделение произошло само собой – все мы более или менее прилично учились, все мы со временем между собой сблизились. Как благословление Неба принимаю то, что мы и сейчас, страшно сказать, сколько лет спустя, дружим – Эльдар, Марик, Ниязи, я... Остальные – «Иных уж нет, а те далече...»

Думаю, что в судьбе каждого из нас, виделись ли мы потом часто или редко, годы, когда мы учились в Шестой спортивной и старались быть лучшими – сыграли немалую роль. Что ни говори, дух настоящего соревнования, который так бездарно пытались внедрить в советское общество тогдашние и последующие его лидеры, необходим, если человек стремится достичь чего-то. Отмечу, что из той нашей «кучки» вышли лауреаты Государственных премий, доктора наук, руководители предприятий...

В моем общении с Мариком после школы наступил долгий перерыв, и отношения мы тогда поддерживали через общих знакомых. Я знал, что Берколайко, окончив университет, укатил в Россию, в Воронеж... Выбор казался странным, уж во всяком случае – необычным, но ведь Берколайко никогда, кажется, ничего обычного не делал. Когда мы много лет спустя увиделись в моем доме, он был уже кандидатом физико-математических наук, доцентом, главой семьи – все это мне о нем рассказывали. Но всё равно встреча наша была для меня неожиданной – вместо нескладного, субтильного юнца, с которым я расстался когда-то, передо мной стоял красавец во цвете лет.

Нет, Берколайко не делал пластической операции. Но то, что за годы нашей разлуки он всерьез занимался не только математикой, но и спортом – сомнений не вызывало. Передо мной стоял мускулистый, накачанный мужчина. Если вспомнить давнишних обидчиков «мальчишки Марика», то вряд ли они захотели бы выяснять отношения с ним в его новом качестве. Он, очевидно, привык к тому, что у давно не видевших его знакомых появление нового Берколайко вызывает именно такую реакцию.

– Тренировки, друг мой! – довольно проговорил он, даже не просто проговорил, а, словно бы вспомнив себя – юнца, слегка продекламировал: – Не осыпай меня комплиментами, не напрягайся. Лучше расскажи подробнее, чего достиг...

И был у нас обстоятельный и все равно бестолковый разговор давно и хорошо знакомых людей, которые столько лет не виделись, что и со счета легко сбиться. И узнал я о нем много нового – что практически готова докторская, но, как всегда, на одной лишь математике он не сосредоточился: то писал юмористические рассказы и часто печатался в «Литературной газете», «Юности», «Крокодиле», в газетах Одессы, Болгарии, Польши... то потом вдруг переключился на пьесы – и они ставятся, а одна даже на Всесоюзном радио прозвучала. Кроме того, нельзя забывать о бешеной популярности КВН. Я счастливый человек – успел поиграть в КВН, шедший еще из Шаболовки и еще в прямом эфире, знал легендарных тогда капитанов: Славу Хоречко из «керосинки», Матвея Левентона – Первый МОЛМИ (т.е. Московский ордена Ленина медицинский институт), даже с Аликом Аксельродом – одним из основоположников настоящего КВН – были знакомы и общались. Говорю «настоящий КВН» – ибо при рождении и по замыслу это была игра студентов, хорошая самостоятельность с реальными экспромтами. С нынешним российским шоу и его эфирными последышами общее – только название. И Марк Берколайко у себя в Воронеже тогда, в давние годы, не остался, конечно, в стороне от КВН. С его участием команда ВИСИЛЕЙ (Воронежский инженерно-строительный институт), вышла на всесоюзную арену и там удачно выступала.

Вспоминаю об этом с удовольствием, потому что с легкой руки Марика мы с братьями Виталием и Савелием Колмановскими, с которыми мы в свое время были сценаристами первого бакинского КВН, взялись помогать воронежцам – и благодаря приглашению ВИСИ я впервые оказался в этом городе. Честно говоря, впечатлений от самого города со времени той, первой поездки осталось немного – зато остались добрые чувства от общения с друзьями и студентами Берколайко, входившими в воронежскую команду.

Последний же перерыв в наших отношениях включал события эпохальные – и для страны, и для мира. Горбачевские перемены – наверное, не было человека, которого они бы не затронули, ибо когда происходит ломка гигантского механизма, каким был Советский Союз, то это болезненно, а для многих губительно. На долю нашего поколения времена перемен, которые и японцами, и китайцами считаются тяжким испытанием, выпали полной мерой, и налаженная прошлая жизнь ушла невозвратно. У меня эти годы связаны с переездом в Калифорнию. О жизни новых эмигрантов говорить не стоит – уже много и рассказано, и написано. Она, при всех индивидуальных особенностях, достаточно одинакова для тех, кто уехал.

С теми, кто остался, дело обстояло, пожалуй, ещё сложнее – новую жизнь надо было строить на руинах старой – а тут уж возможны варианты самые невероятные... Короче говоря, прошли первые годы обустройства и трудной работы в Лос-Анджелесе, когда некогда голову было поднять, и я стал потихоньку восстанавливать былые связи. С теми, кто переехал в Москву – с Эльдаром Криманом, Савелием Колмановским – это было полегче, хотя бы потому, что по работе мне приходилось в те годы довольно часто приезжать в командировки в Москву. Но в Воронеж ...

В Воронеж просто так не поедешь, и в отношениях с Мариком наступил большой перерыв. За эти годы, однако, поменялся не только общественный строй в Рос-

сии. Поменялась на корню система коммуникаций. Все плотнее входил в жизнь интернет. Я по работе проводил в Сети немало времени. И, помимо прочего, сидя в своем калифорнийском офисе, стал искать в Сети фамилию Берколайко. Помните, дорогой читатель, что дело было почти двадцать лет назад, и тот Интернет был лишь бледным подобием сегодняшнего.

То, что я в конце концов нашел, радости у меня не вызвало. Статья в газете, как помню, называлась «Стервятники над Черноземьем». И прочтя ее, я с удивлением понял, что стервятник, который вьется в чистом небе над Черноземьем – это мой давний товарищ и друг Марк Зиновьевич Берколайко. Так и вспомнился Бродский: «Над арабской мирной хатой/ Гордо реет жид пархатый...» Прозрачные намеки (которые, впрочем, намеками назвать трудно) насчет национальной принадлежности героя многих воронежских газетных публикаций тех лет были, конечно, противны, но куда хуже были открытые обвинения в злых умыслах и хищениях государственной собственности в особо крупных размерах. Публикаций этих в то время было немало, и, несмотря на неодинаковость фамилий авторов, визг и злоба на грани патологии были в них неизменны. Один лишь пример, причем, что удивительно, сравнительно недавний: «...Вот такой вот яркий жизненный фарватер нашего героя. От советского интеллигента – к политконсультанту, коммерсанту, а потом мошеннику и вору. Сейчас «не вписавшийся в рынок» Берколайко по-прежнему преподает в ВГУ, а его «Фарватер» номинирован на русский Букер... Если кто-то сделает репост и распространит информацию, я был бы очень благодарен. Зло надо знать в лицо».

Классический донос (не говоря уж о классическом неумении согласовывать времена глаголов), не правда ли? Но в чем же зло? Неужто в романе, номинированном на Букера?! Выпущенном крупнейшим российским издательством?! Нет, конечно, «зло» – из начала века, и это «Воронежинвест», предприятие, которое Берколайко возглавлял три года, когда в его светлую голову пришла идея объединить сорок убыточных сельскохозяйственных предприятий области, на полученные кредитные средства оснастить их новой передовой техникой и обеспечить резкий рост сельскохозяйственной продукции. Программу, разработанную М.Берколайко, поддержало не только руководство области, но и министерство сельского хозяйства Российской Федерации – стало быть, совсем не так уж плохо выглядел и реализовывался проект, но недруги срывали голоса, обвиняя Марка и руководство области, что все не то и все не так.

«... В предьявленном мне обвинении написано, что моя деятельность повлекла тяжкие последствия. Но я не понимаю: для кого? Мы брали самые убитые агропредприятия, давали им технику и показывали людям, что они теперь могут не спиваться, а работать на земле! Потом главы районов, недовольные централизованным управлением из «Воронежинвеста», захотели забрать активы под свой контроль. Мы пошли навстречу, в итоге из-за их неэффективного управления предприятия потерпели фиаско» – приводил «Коммерсант-Черноземье» комментарий бывшего воронежского губернатора. А вот что говорил сам Берколайко, отвечая на вопрос журналиста из «Абирег», другого ведущего бизнес-издания региона, не жалеет ли он, заметный ученый-экономист, успешный бизнес-консультант, что взялся за такое рискованное дело: «Не жалею. Война была славная, и я не считаю, что мы ее проиграли. Кто бы сейчас что ни говорил и ни выкрикивал, как бы ни голосил... 145 тысяч гектаров чернозема были возрождены. Пять тысяч человек в шести районах области впервые за многие годы почувствовали себя людьми. Деньги работали с операционной рентабельностью 50%. И за все за это – два года работы на износ, всего один инфаркт и всего десять лет поношений?! Плевать! Для мужчины – это не цена».

Что же, комментарий вполне в духе Марка Берколайко.

Но все же – тяжелый инфаркт... «Что, не уберегся?» – спросил я его в 2015-м, когда мы увиделись после тридцатипятилетней разлуки.

«Понимаешь, старый, – начал мой товарищ отвечать так раздумчиво и серьезно, что я понял: математик Марк Берколайко, экономист Марк Берколайко, «главный колхозник Черноземья» Марк Берколайко, профессор Марк Берколайко, писатель Марк Берколайко в наши с ним почтенные годы недалеко ушел от девятилетнего мальчишки Марика и попытается сейчас «родить» нечто афористично-парадоксальное. И он родил, конечно. Кто бы сомневался. Звучало это так: «Понимаешь ли, старый, даже великие герои иногда жалобно стонут на больничной койке и беспомощно кряхтят на унитазе!» Ну-ну...

И еще одну историю рассказал он мне: «Сплетничали лет через пять после того, как я ушел из проекта, что на одном из своих застолий работники прокуратуры заговорили, среди прочего, и о «Воронежинвесте». И очень удивлялись: «Через Берколайко миллионы шли, ведь не может же быть, чтобы в свой карман хотя бы «трошки для сэбе» не загребал. Однако как ловко загребал – никаких следов... И кто только ни копал, до последней запятой все выверяли – все чисто!» Вот так... а простой мысли о том, что человек может распоряжаться огромными суммами и при этом не красть, прокурорские тогда даже и не допускали. Впрочем, еще позже стали допускать. Когда почти через десять лет руководителей области попытались привлечь к ответственности (но не по обвинению в коррупции при реализации проекта «Воронежинвеста», а по поводу превышения ими служебных полномочий), то Марку в Следственном комитете сказали: «К вам вообще никаких вопросов нет»

О проекте «Воронежинвеста» Берколайко написал в романе «Партия», и не зря он был опубликован ближе к 2010 году, когда «битва» осталась в сравнительно далеком прошлом, эмоции поулеглись, и пришло время для осмысления, которое для художественного произведения важно не менее, чем бурление и свежесть чувств. Читал я роман с большим интересом – после такого неудачного опыта, после таких разочарований мог человек и озлобиться, и упасть духом... Но ничего этого нет и в помине, напротив, есть ощущение, что герой романа готов к новым подвигам. А значит, сам Берколайко к ним готов? Страшно подумать... И не был бы мой друг самим собой, если б драматические коллизии в жизни воронежского (в романе – «недогоневского») проекта заняли бы роман полностью. Но куда там, эта правдивая и хорошо, без истерики написанная история в лучшем случае – треть всего текста. А остальные две трети? О, там и Создатель играет в шахматы с Рафаэлем (именно эта партия имеется в виду в названии романа), там Цезарь, зная о заговоре, решает, идти ли ему в Сенат, там Сальери пытается спасти Моцарта, а Чаадаев – Грибоедова и Пушкина... Там много чего еще происходит, и все объединено глобальным и на редкость выверенным замыслом... И вот что написала о «Партии» Дина Рубина. «В этой книге есть главное: энергия стиля. Проза Марка Берколайко, насыщенная, плотная, «цветная» захватывает с первых страниц, не отпускает до конца и по прочтении заставляет вспоминать ту или другую картину, диалог, поворот сюжета, характер...»

Думаю, эти слова можно отнести и к последующим литературным работам Марка Берколайко. Прочитав выдержки из рецензий на них.

«Роман Марка Берколайко «Инструменты». Четыре инструмента, разделенные во времени и пространстве, рассказывают истории своих хозяев. Стремление героев – людей и инструментов – объединиться является одновременно главной движущей силой сюжета и выразительной аллегорией. Обычно инструменты кажутся слепыми орудиями в руках своих хозяев, а сами хозяева, казалось бы, всего лишь следуют своей судьбе, но иногда... Иногда бывает наоборот – и Марк Берколайко в своем романе нанизал на сюжетную нить сразу несколько таких «иногда». Получилось немало сказочно, но при этом живо, реалистично – местами до жесткого драматизма – и захватывающе»

Роман «Шакспер, Shakespeare, Шекспир»: «Новый оригинальный взгляд на авторство Шекспира предлагает Марк Берколайко в своём романе, который то перено-

сит нас в шекспировские времена, то забрасывает в XXII век и приоткрывает завесу тайны, которая окружает Шекспира и его произведения. Кроме того, автор великолепно рассуждает о природе литературы и писательства и представляет крайне интересную теорию о творческом процессе и вдохновении».

После очень долгого перерыва мы снова встретились с Марком пять лет назад – символично, что произошло это на семидесятилетнем юбилее нашего близкого друга Эльдара Кримана, о котором здесь упоминалось. А после этого я приехал в Воронеж, где пользовался гостеприимством Марка и его очаровательной жены Ларисы. И ездили мы вместе по городу, и смотрели замечательные памятники Андрею Платонову, Осипу Мандельштаму, Самуилу Маршаку. Совершенно несхожие памятники, один другого интереснее... И ездили по берегу Воронежского моря, и слушал я грустные рассказы Берколайко о мощном в прошлые годы воронежском комплексе предприятий электронной, радио и электротехнической промышленности, от которого, к сожалению, мало что осталось. Потом зашли в церковь у воды, дочь просила меня привезти в Лос-Анджелес из России освященные свечи. И там, в храме, пожилая женщина, узнав, что я гость, с жаром принялась рассказывать о том, как эту самую церквушку строил сам Петр Великий, как он молился здесь, как затопляло храм в наводнения и как всем миром спасали его...

Жаль, не успели мы съездить в место, именуемое Репное, где-то недалеко от Воронежа, о котором я давно знал из рассказов Марка, и где регулярно проходят семинары одаренных молодых людей. Ну, раз я там не побывал, то открую YouTube и перечислю лишь несколько тем лекций, которые там в разные годы читал Берколайко: «Сказка – ложь?», «Красота и сложность чисел и множеств», «Тригонометрия – это не страшно», «Движение по волнам Кондратьева – борьба за мировую гегемонию», «Математика и музыка – Эвересты русской цивилизации»... И это еще далеко не всё.

А еще Марк работает над новым романом, замысел которого опять глобален: в нем и работа выдающегося ученого над теорией, которую сам он в часы разочарования называет полной фигней, а в периоды горения – энтропийной формой гегелевских законов диалектики; и история, так напоминающая последнюю любовную страсть Гете, завершившуюся вроде бы крахом, но побудившую великого писателя завершить наконец творение всей его жизни – трагедию «Фауст», и размышления о будущем России, мира, человечества... Что ж, Берколайко верен себе.

Не так давно побывала в Воронеже Елена Колмановская – дочь нашего друга Савелия Колмановского и одна из создателей легендарного ныне «Яндекса». Она читала лекции на упоминавшемся уже семинаре в Репном. Лекции прошли отлично, но Елена, вернувшись в Москву, с удовольствием рассказывала не столько о семинаре, сколько о прогулке с Марком Берколайко по Воронежу. О том, как к ним подходили с вопросами, с разговорами и просто поздороваться самые разные люди. Как вокруг Марка в незнакомом ей городе она ощутила привычную старым бакинцам атмосферу тепла и уюта.

А еще Марк, совместно с коллегой по университету, профессором философии Еленой Ищенко, читает курс лекций «Философские очерки по истории религии». И рассказал мне в долгом телефонном разговоре, что на одной из лекций почти экспромтом решил прочесть давний свой рассказ «Поцелуй Иуды», и молодые женщины утирали слезы... А закончилось все очень современно: селфи на добрую и долгую память. И вот это фото передо мной: профессор Берколайко в окружении очаровательных женщин. Они уже не плачут, они сияют – из чего следует, что и лекция, и лектор им понравились.

А у моего друга Марика смущенный вид. Но я хорошо его знаю и прекрасно понимаю, что он лишь изображает смущение, а на самом-то деле очень доволен!